

С. А. АУСЛЕНДЕР

<«Глубокое понимание психологии, личная безупречность, искренность и благородная открытость...»>

Весною 1916 года, когда Черноморскому флоту предстояло сыграть крупную роль в операциях левофланговых армий, А. В. Колчак был, в нарушение всех условностей, произведен в вице-адмиралы, пробыв контр-адмиралом всего два месяца, и назначен Командующим Черноморским флотом.

Известен его первый смотр Черноморскому флоту.

Встреченный торжественно на вокзале штабом и почтенными адмиралами, на вопрос, когда ему будет угодно сделать смотр флоту, новый Командующий сказал:

«Да хорошо, через полчаса».

И, к великому смущению всех начальствующих, прямо с вокзала проехал в гавань.

Через полчаса на флагманском корабле был уже поднят сигнал: «Выйти в море».

Адмиралы едва успели переодеть мундиры, как эскадра уже шла к Анатолийским берегам. Была встреча с «Бреслау», потоплено несколько фелюг, и флот получил благодарность за хороший смотр.

Этот смотр был как бы прологом к его деятельности в Черном море.

С неутомимой энергией принялся молодой Командующий за работу. Все было перевернуто, ничто не ускользнуло от внимательного, строгого взгляда. Почти весь высший командный состав был сменен.

Ему необходимо было очистить Черное море от подводных лодок и прекратить выход «Гебена» и «Бреслау». Им была задумана довольно рискованная операция. Под непосредственным его наблюдением наша эскадра подошла к самым Анатолийским берегам и тесным кольцом мин закрыла выход из Босфора.

Черное море сделалось свободно. Быстроходные немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау», сильно беспокоившие наши побережья, больше

не показывались, благодаря минным заграждениям и сторожевой службе наших кораблей.

За все время одиннадцатимесячного командования А. В. Колчаком флотом, «Бреслау» был в Черном море один раз, а именно в первый день, когда он встретил его на линейном корабле «Императрица Мария» у Анатолийского побережья.

Он не мог догнать этот быстроходный крейсер на линейном корабле, и «Бреслау» ушел в Босфор с тем, чтобы вернуться в Черное море лишь в июне 1917 года, когда А. В. Колчак оставил Черноморский флот и агенты Германского штаба уже могли свободно распоряжаться в русской армии и флоте.

Деятельность неприятельских подводных лодок ему удалось также совершенно ликвидировать и поддерживать сообщение в Черном море, как в мирное время.

Громадное значение придавал он действиям у Босфора, уже было все приготовлено к грандиозной операции, целью которой были — высадка большого десанта и захват Константинополя.

Революция сделала эту задачу невыполнимой.

Осень и часть зимы 1916 года в Севастополе проводил тяжело занемогший тогда начальник штаба главнокомандующего генерал Алексеев, привезенный туда для лечения.

Адмирал А. В. Колчак часто виделся с генералом Алексеевым и они беседовали о государственных вопросах, относящихся к периоду, непосредственно предшествовавшему революции.

В этой предгрозовой духоте последних месяцев империи неизбежность грядущих событий была уже ясна. И, может быть, тогда эти два русских патриота в душе своей приготовили свои ответы на тот грозный вопрос, который встал перед всеми гражданами России.

В первые же дни февральской революции адмирал А. В. Колчак честно, искренно, открыто принял переворот и дал клятву верности Временному правительству исполнить свой долг воина и патриота до конца¹.

Это прямое и твердое отношение к революции, так же, как и отношение генерала Алексеева, дало возможность Временному правительству утвердиться без особых трудностей, этим были избегнуты в первые дни революции смуты и кровопролития.

Не нужно забывать, что армия тогда еще повиновалась своим вождям без колебаний.

А. В. Колчак, подобно генералу Алексееву, принял переворот, как неизбежное, хотя и опасное для государственной мощи России, событие.

Он сделал все, что мог, чтобы исполнить свой долг, чтобы сохранить новой России прежнюю мощь.

Ему удалось сделать очень многое.

Благодаря тому авторитету, которым он пользовался среди команд и рабочих, первые месяцы он не только сдержал Черноморский флот от развала, но стал почти кумиром.

Глубокое понимание психологии, личная безупречность, искренность и благородная открытость, с которыми он принял и пошел навстречу перевороту, дали ему полную возможность регулировать ход революции в Черном море.

Первые месяцы революции, несмотря на головокружительный развал армии и особенно Балтийского флота, Черноморский флот исполнял свои боевые обязанности, как и раньше. Но преступная деятельность германской агентуры, обеспечиваемая действиями правительства, особенно с того момента, когда военным и морским министром объявился А. Керенский, неминуемо должна была сделать свое дело, и с появлением Керенского во главе военного и морского ведомств уже ничто не могло удержать и Черноморский флот от полного развала и дезорганизации.

В конце апреля адмиралу пришлось по вызову Гучкова побывать в Петрограде в те памятные дни, когда первое Временное российское правительство фактически потеряло свою власть, перешедшую в руки интернационального сброда Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов с Лениным, Троцким и прочими тайными и явными агентами и деятелями большого Германского генерального штаба.

В эти несчастные дни гибели русской государственности на политической арене появились уже крупные фигуры — своего рода символы — один государственной гибели, а другой — попытки спасти государство: Керенский и генерал Корнилов.

В это же время на военном совете во Пскове под председательством Главнокомандующего генерала М. В. Алексева, А. В. Колчак впервые с совершенной мучительной ясностью понял, что война с Германией, несмотря на полную возможность довести ее в этом году до победоносного конца, проиграна безвозвратно.

Он высказал все эти взгляды в Совете министров тогдашнего правительства князя Львова, а вернувшись в Черное море, счел своим долгом открыто об этом заявить флоту, которым в то время он еще фактически командовал.

Он выступил перед командами, гарнизоном Севастополя и рабочими.

Его невыносимая боль за грядущий позор и гибель России, его пламенная любовь, передались слушателям и вызвали, правда временный, подъем патриотизма и национального чувства, результатом чего явилась посылка знаменитой Черноморской делегации в Москву, Петроград и на фронт.

Эти речи матросов и рабочих, так непохожие на речи, произносимые в Петроградском совете, разнеслись по всей России, как последняя надежда на спасение.

В своих речах и обращениях А. В. Колчак определенно и бесстрашно указывал, что путь, на который вступила наша революция, есть путь государственной гибели, связанный с проигрышем войны, осложнениями с нашими союзниками, с грядущей потерей политического значения России как державы, и весьма вероятным территориальным ее разгромом.

Надо было большое гражданское мужество, чтобы в то время высказывать откровенно эти мучительные, безнадежные мысли, в то время, когда название — патриот — любящий Россию — принималось под злобное улюлюкание.

Он видел, что с появлением Керенского во главе Российского правительства работа большого Германского генерального штаба соединилась с поразительным легкомыслием и демагогической деятельностью Керенского и окружающих его членов Совета министров.

Петроградский Совдеп был представителем первого рода деятельности, а правительство исполняло вторую половину работы.

Уже в половине мая, после обнародования преступного правительственного акта, известного под именем декларации прав солдата, он обратился с указанием на невозможность дальнейшей службы и просил освободить его от командования.

Правительство не приняло его отставки.

Развал армии и флота шел с ужасающей быстротой. Уж ничто не могло удержать от катастрофы. В начале июня брожение началось и в Черноморском флоте. Среди команд начались раздаваться требования, ясно продиктованные немецкими агентами, о разоружении офицеров.

В своем приказе адмирал назвал это требование требованием безумцев, но, не желая подвергать жизнь офицеров бесполезной опасности, он приказал офицерам сдать оружие.

Сам же он велел построить команду во фронт, хотя многие офицеры сомневались, исполнит ли уже команда этот приказ.

Перед выстроившейся командой он произнес горячую, полную жестоких, гневных упреков речь, в которой вылилась вся боль о преданной на позор и гибель России.

Матросы, накануне быть может рукоплескавшие демагогам-предателям, были потрясены этой речью: многие плакали, как дети, раздавались возгласы, что у них в мыслях не было не доверять своему адмиралу.

Но, он, понимая, что уже нельзя надеяться на этот минутный подъем просветления, со своим даром глубокого предвидения уже зная,

что ожидает армию, флот и всю Россию, ответил, что он не желает командовать флотом, опозорившим себя гнусным оскорблением своих офицеров, позволяя себе говорить о их разоружении.

«Моего оружия вы не получите», — закончил он, и золотое оружие, заслуженное ценою высокого мужества, блеснуло в волнах Черного моря².

Он еще несколько дней жил в своем дворце без всякой охраны. По городу ходила уже опьяненная большевистским дурманом толпа, но никто не осмелился придти к нему, несмотря на все подстрекательства германских наемников, для которых этот мужественный патриот был опасным врагом. Так велика была сила его нравственного обаяния.

